

Владимир Одоевский

Два дни в жизни земного шара

Владимир Федорович Одоевский

Два дни в жизни земного шара

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=335572

Аннотация

Поводом к написанию рассказа послужили толки о комете, которая должна была появиться в 1832 году и, по сообщениям некоторых европейских журналов (преимущественно немецких), «сделать удар в нашу бедную Землю». Русские периодические издания ответили на этот слух рядом заметок, целью которых было опровержение «ложной астрологии немцев».

Содержание

1
2

7
11

Владимир Федорович

Одоевский

Два дни в жизни

земного шара

У графини Б. было много гостей; была полночь, на свечах нагорело, и жар разговоров ослабевал с уменьшающимся светом: уже девушки перетолковали обо всех нарядах к будущему балу, мужчины пересказали друг другу обо всех городских новостях, молодые дамы перебрали по очереди всех своих знакомых, старые предсказали судьбу нескольких свадеб; игроки рассчитались между собой и, присоединившись к обществу, несколько оживили его рассказами о насмешках судьбы, произвели несколько улыбок, несколько вздохов, но скоро и этот предмет истощился. Хозяйка, очень сведущая в светском языке, на котором молчание переводится скукою, употребляла все силы, чтобы расшевелить болтливость усталых гостей своих; но тщетны были бы все ее усилия, если бы нечаянно не взглянула она в окно. К счастью, тогда комета шаталась по звездному небу и заставляла астрономов вычислять, журналистов объявлять, простолюдинов предсказывать, всех вообще толковать о себе. Но никто из всех этих господ не был ей столько обязан, как графиня Б., в это время:

в одно мгновение, по милости графини, комета соскочила с горизонта прямо в гостиную, пробралась сквозь невероятное количество шляп и чепчиков – и была встречена также невероятным количеством разных толкований, и смешных и печальных. Одни в самом деле боялись, чтобы эта комета не напроказила, другие, смеясь, уверяли, что она предзнамует такую-то свадьбу, такой-то развод и проч. и проч.

«Шутите, – сказал один из гостей, который век свой проводил в свете, занимаясь астрономией (par originalite)¹, – шутите, а я помню то время, когда один астроном объявил, что кометы могут очень близко подойти к Земле, даже наткнуться на нее, – тогда было совсем не до шуток».

«Ах! Как это страшно! – вскричали дамы. – Ну скажите же, что тогда будет, когда комета наткнется на Землю? Земля упадет вниз?» – проговорили несколько голосов.

«Земля разлетится вдребезги», – сказал светский астроном.

«Ах, боже мой! Стало быть, тогда и будет представление света», – сказала одна пожилая дама.

«Утешьтесь, – отвечал астроном, – другие ученые уверяют, что этого быть не может, а что Земля приближается каждые 150 лет на градус к Солнцу и что наконец будет время, когда Земля сгорит от Солнца». «Ах, перестаньте, перестаньте, – вскричали дамы. – Какой ужас!»

Слова астронома обратили всеобщее внимание; тут нача-

¹ для оригинальности (фр.)

лись бесконечные споры. Не было несчастий, которым не подвергался в эту минуту шар земной: его и жгли в огне, и топили в воде, и все это подтверждалось, разумеется, не свидетельствами каких-нибудь ученых, а словами покойного дядюшки – камергера, покойной штате-дамы тетюшки, и проч.

«Послушайте, – наконец сказала хозяйка, – вместо споров пусть каждый из нас напишет об этом свои мысли на бумаге, потом будемте угадывать, кто написал такое и такое мнение».

«Ах, будемте, будемте писать!», – вскричали все гости...

«Как прикажете писать? – робко спросил один молодой человек. – По-французски или по-русски?»

«*Fi donc – mauvais genre!*² – сказала хозяйка. – Кто уже ныне пишет по-французски? *Messieurs et Mesdames!*³ Надобно писать по-русски».

Подали бумаги; многие тотчас присели к столу, но многие, видя, что дело доходит до чернильниц и до русского языка, шепнули на ухо своим соседям, что им еще надобно сделать несколько визитов, и – исчезли.

Когда было написано, все бумажки были смешаны, и всякий по очереди прочитывал вынутую им бумажку; вот одно из мнений, которое нам показалось более других замечательным и которое мы сообщаем читателям.

² Фи! – это дурной тон! (фр.)

³ Дамы и господа! (фр.)

1

Решено; настала гибель земного шара. Астрономы объявили, глас народа подтверждает их мнение; этот глас неумолим, он верно исполняет свои обещания. Комета, доселе невиданная, с быстротою неизмеримую стремится на Землю. Лишь зайдет солнце, вспыхнет зарево страшного _путника_; забыты наслаждения, забыты бедствия, утихли страсти, умолкли желания; нет ни покоя, ни деятельности, ни сна, ни бодрствования; и день и ночь люди всех званий, всех состояний томятся на стогнах, и трепетные, бледные лица освещены багровым пламенем.

Огромные башни обращены в обсерваторию; день и ночь взоры астрономов устремлены на небо; все прибегают к ним, как к богам всемогущим; слова их летят из уст в уста; астрономия сделалась наукою народною; все вычисляют величину кометы, скорость ее движения; жаждут ошибок в вычислениях астрономов и не находят.

«Смотри, смотри, – говорит один, – вчера она была не больше Луны, теперь вдвое... что будет завтра?»

«Завтра набежит на Землю и раздавит нас», – говорит другой...

«Нельзя ли уйти на другую сторону шара?» – говорит третий...

«Нельзя ли построить подставок, оттолкнуть ее машина-

ми? – говорит четвертый. – О чем думает правительство?»

«Нет спасения! – кричит молодой человек, запыхавшись. – Я сейчас из башни – ученые говорят, что, прежде нежели она набежит на Землю, будут бури, землетрясения, и земля загорится»...

«Кто против Божия гнева?» – восклицает старец...

Между тем течет время, с ним возрастают величина кометы и ужас народный; уже видимо растет она; днем закрывает солнце; ночью огненную пучиною висит над Землею; уже безмолвная, страшная уверенность заступила место отчаянию; не слышно ни стона, ни плача; растворены тюрьмы: вырвавшиеся преступники бродят с поникшим челом между толпами; редко, редко общая тишина и бездействие прерываются: то вскрикивает младенец, оставленный без пищи, и снова умолкнет, любуясь страшным небесным зрелищем; то отец обнимает убийцу сына.

Но подует ли ветер, раздастся ли грохот, толпа зашевелится – и уста всех готовятся к вопросу, – но его боятся вымолвить.

В уединенной улице одного европейского города восьмидесятилетний старец у домашнего очага приготовлял себе пищу: вдруг вбегает к нему сын его.

– Что ты делаешь, отец мой? – он восклицает.

– Что делать мне? – отвечает спокойно старец. – Вы все оставили – бегаєте по улицам – а я между тем голодаю...

– Отец! Время ли теперь думать о пище?

– Точно также время, как и всегда...

– Но наша гибель...

– Будь спокоен; пустой страх пройдет, как и все земные бедствия...

– Но разве ты потерял слух и зрение?

– Напротив, не только сохранил то и другое, но еще сверх того нечто такое, чего нет у вас: спокойствие духа и силу рассудка; будь спокоен, говорю тебе, – комета явилась неожиданно и пропадет так же – и гибель Земли совсем не так близка, как ты думаешь; Земля еще не достигла своей возмужалости, внутреннее чувство меня в том уверяет...

– Отец мой! ты во всю жизнь свою верил больше этому чувству или мечтам своим, нежели действительности! Неужели и теперь ты останешься преданным воображению?.. Кто тебе поручится за истину слов твоих?..

– Страх, который вижу я на лице твоём и тебе подобных!.. Этот низкий страх несовместим с торжественной минутою кончины...

– О ужас! – вскричал юноша. – Отец мой лишился рассудка...

В самое то мгновение страшный гром потряс храмину, сверкнула молния, хлынул дождь, ветер снес крыши домов – народ упал ниц на землю...

Прошла ночь, осветило небо, тихий Зефир осушил землю, орошенную дождем... люди не смели поднять преклоненных глав своих, наконец осмелились, – им уже мнится, что

они находятся в образе духов бестелесных... Наконец встают, оглядываются: те же родные места, то же светлое небо, те же люди – невольное движение подняло взоры всех к небу: комета удалялась с горизонта...

2

Настал общий пир земного шара; нет буйной радости на сем пиру; не слышно громких восклицаний! Давно уже живое веселье претворилось для них в тихое наслаждение, в жизнь обыкновенную; уже давно они переступили через препоны, не допускающие человека быть человеком; уже исчезла память о тех временах, когда грубое вещество посмеивалось усилиям духа, когда нужда уступила необходимости: времена несовершенства и предрассудков давно уже прошли вместе с болезнями человеческими, земля была обитаем лищем одних царей всемогущих, никто не удивлялся прекрасному пиру природы; все ждали его, ибо давно уже предчувствие оно в виде прелестного, по ней распространялся. Еще мгновение – и небесное сделалось земным, земное небесным. Солнце стало Землею и Земля Солнцем...⁴ призрака являлось воображению избранных. Никто не спрашивал о том друг друга; торжественная дума сияла на всех лицах, и каждый понимал это безмолвное красноречие. Тихо Земля близилась к Солнцу, и непалый жар, подобный ог-

⁴ В философском диалоге «Анаксагор», написанном поэтом Д.Веневитиновым, Платон также рассказывает об «эпохе счастья, о которой мечтают смертные». «Тогда пусть сбудется древнее египетское пророчество, продолжает герой диалога, пусть солнце поглотит нашу планету, пусть враждебные стихии расхитят разнородные части, ее составляющие!.. Она исчезнет, но, совершив свое предназначение, исчезнет, как ясный звук в гармонии вселенной».

КОММЕНТАРИИ

Владимир Федорович Одоевский (1803(4?)-1869) – русский писатель, журналист, философ, музыковед, педагог, общественный деятель.

Пользовался большим влиянием и авторитетом в русских литературных кругах. В 1824–1825 гг. совместно с В.Кюхельбекером В.Одоевский издавал альманах «Мнемозина». Активно сотрудничал в пушкинском «Современнике», в альманахе А.Дельвига «Северные цветы» и других изданиях, где публиковал свои статьи на разнообразные темы, дидактические и романтические повести, сказки.

Одним из самых значительных сочинений В.Одоевского является роман «Русские ночи» – замечательный образец сочетания реальности и фантастики, мечты того времени. Роман был полностью опубликован в 1844 г.

В сороковые годы вместе с А.П.Заболоцким-Десятовским В.Одоевский издавал журнал «Сельское чтение», названный В.Белинским «образцом народного чтения». Затем служил помощником директора Публичной библиотеки и директором Румянцевского музея.

В 1867 г. В.Одоевский написал в ответ на статью И.С.Тургенева «Довольно» свой исполненный социального и научного оптимизма очерк «Не довольно», в котором пытался

опровергнуть пессимистические выводы представителя новой культурной эпохи. Он словно выполнял при этом завет декабриста В.Кюхельбекера, писавшего ему из ссылки в 1845 году:

«Ты наш; тебе и Грибоедов, и Пушкин, и я завещали все наше лучшее; ты перед потомством и отечеством представитель нашего времени; нашего бескорыстного стремления к художественной красоте и к истине безусловной».

Рассказ «Два дни в жизни земного шара» был впервые опубликован в журнале «Московский вестник» в 1828 году (ч. IX, N 14, с. 120–128) за подписью «Каллилор» и с датой написания «1825 год».

Поводом к написанию рассказа послужили толки о комете, которая должна была появиться в 1832 году и, по сообщениям некоторых европейских журналов (преимущественно немецких), «сделать удар в нашу бедную Землю». Русские периодические издания ответили на этот слух рядом заметок, целью которых было опровержение «ложной астрологии немцев».

Комета Галлея, или, как ее еще называли, комета Беллы (Вьелы), сразу же становится популярной темой в русской литературе: ей посвящаются специальные альманахи, фигурирует она и в водевилях того времени. Эту тему, помимо «Двух дней...», В.Одоевский развивает и в утопии «4338-й год».

Рассказ публикуется по: Взгляд сквозь столетия. – М.: Мо-

лодая гвардия, 1977.